



«Я БЫЛ НИКЕМ, И КЕМ Я ТОЛЬКО НЕ БЫЛ...»

(Слово о поэте Аркадии Кутилове)

Поспорили два литератора. Один утверждал, что поэта делает биография. Другой доказывал, что при самой серой биографии талант найдёт своё место в литературе. В случае с Аркадием Кутиловым биография, — не дай Бог. А талант — дай Бог каждому...

Родился Адий Павлович Кутилов (своё настоящее имя он терпеть не мог) 30 мая 1940 года в таёжной деревне Рысьи, что в Иркутской области. «Год рождения сороковой / Не военный, не грозовой». После смерти мужа Мария Васильевна Кутилова с двумя маленькими детьми — старшим Юрием и младшим Адием переезжает на свою родину в деревню Бражниково Колосовского района Омской области. Именно Бражниково считал будущий поэт своей малой родиной.

Как корабль назовёшь... Сразу вспоминаешь неунывающего капитана Врунгеля и его «Беду». Адий. Кутилов. Из деревни Бражниково. Даже имя толкало в адские объятия зелёного змия, этого проклятия многих российских поэтов.

Родная деревня. Школа семилетка. Крестьянский труд и, наконец, служба в армии. Смоленск. Первые публикации. И сразу — удача! Молодого поэта заметили Николай Рыленков и — сам! — Александр Твардовский. Как не отметить? Кутилов и ещё пятеро солдат пьют антифриз. В живых остался только один... Тот, которому был предначинан свыше и дар, и крест.

У судьбы оказалась тяжёлая рука. Первый её удар наложил отпечаток на всю последующую жизнь. Лечение. Госпиталь. Возвращение домой. (А. Т. Твардовскому на его запрос сообщили из воинской части, что молоденький поэт скончался).

Чувство вины за последствия той пьянки не покидало Кутилова до конца жизни.

После лечения снова — Бражниково. Попытка найти себя, адаптироваться в мирной размеренной жизни. Создание семьи, рождение сына. Работа. Подолгу нигде

не задерживался. Неуёмная, энергичная натура противилась спокойному обывательскому существованию. Тяга к спиртному тому способствовала. Наркологи утверждают, что алкоголизм — болезнь неизлечимая. Её победить может только тот, кто раз и навсегда добровольно откажется от спиртного. Это удаётся далеко не каждому...

В конце 60-х умирает мать. Погибает брат. Рушится семья. Кутилов остаётся один. Начинается жуткий семнадцатилетний период бродяжничества. Чем тяжелее и безнадежнее становится крест, тем сильнее крепнет рука мастера. Уместно вспомнить слова Александра Блока из его пушкинской речи «О назначении поэта», произнесённой в 1921 году, о том, что роль поэта — не весёлая, а трагическая.

Мещанское счастье не для него. Родная деревня Кутилова — друзья, одноклассники, соседи — механизаторы, скотники, бухгалтера, заготовители, снабженцы. А он: «Я был никем, и кем я только не был...». Все попытки встроиться в эту жизнь — скандал, катастрофа. Судьбу определяет Бог. Эта зависимость жёстко детерминирована. У поэтов жёстче, чем у обычных людей. Пространства выбора почти нет.

В эпоху соцреализма бродяжничеству способствует запрет на публикации в газетах и журналах. Аркадия Кутилова ждут тюрьма и психушка. Но поэт не сдаётся: «что сейчас организует моё сознание, сохраняет независимость мышления и абсолютно свою логику? Палочная дисциплина стиха!»...

Кутилов не желал и не умел приспособливаться. И вот результат: в начале июня 1985 года в теплотрассе был обнаружен труп бродяги. Смерть наступила при невыясненных обстоятельствах.

Так закончилась биография Адия Кутилова — человека. И началась биография Аркадия Кутилова — поэта. Первая книга стихов «Провинциальная пристань» выходит через пять лет после гибели автора.

В истории литературы трудно найти пример такого самопожертвования одного литератора ради другого. Жизнь свела Аркадия с Геннадием Великосельским в 1972 году. Геннадий Павлович сразу оценил громадный талант поэта и посвятил свою жизнь популяризации и пропаганде наследия Кутилова. Его дом стал для поэта и временным пристанищем, и обратным адресом для писем. Великосельский бережно собирал и хранил тетрадки, листочки, пачки от сигарет, на которых Кутилов записывал стихи. Всё, что осталось от поэта — заслуга Г. П. Великосельского. Именно он собирал и готовил к печати книги поэта, вёл переписку с издательствами и редакциями. Очень много им сделано для открытия музея на малой родине поэта в селе Бражниково.

В 2008 году не стало Геннадия Великосельского. Но, удивительное дело, в эпоху Великого Хапка и торжества циничного индивидуализма, когда интерес к поэзии, якобы, угас, книги со стихами А. Кутилова превращаются практически сразу после издания в библиографическую редкость.

Читатель в России только-только начинает своё знакомство с творчеством поэта. И это происходит не благодаря, а вопреки официальным структурам. В обязанности которых входит развитие той самой культуры. Даже на 80-летие поэта в его родном Омске областное Министерство культуры никак не отреагировало (зато поставили памятники Петру I и Тарасу Шевченко).

Был когда-то в допетровской Руси так называемый институт юродивых и блаженных. Уникальное явление в истории нашего народа. Юродивым позволялось то, за что даже бояр со всем их родом ожидали страшные казни. Юродивым позволялось говорить ПРАВДУ.

И за право нести Правду приходилось платить. И дорого. Отказом от мирских радостей, от семьи, от своего дома. И не иметь собственности. Никакой. Даже одежда

была чисто символическим атрибутом для этих подвижников. В корысти такого не упрекнёшь. И слушали их простые люди, прислушивались купцы да бояре, служивые люди и даже — цари! Известен случай, когда юродивый спас Псков от царского гнева. И стража не посмела поднять руку на блаженного в лохмотьях, сующего государю кусок сырого мяса со словами: «Жри, жри человечину!»

Пётр I круто развернул Россию в сторону европейского развития. И запретил юродивых. Власти (на европейский манер) не нужна была ПРАВДА. Жизнь страны стали регулировать законы, уложения, указы, разряды, табели о рангах. Началась тотальная бюрократизация души народной. Но душа эта помнила свои истоки. До XX века дошли калики перехожие, странники божии, бродяжки. И, может быть, Аркадий Кутилов был одним из последних юродивых на Руси. Оттого-то власть, что коммунистическая, что демократическая, подсознательно ощущая угрозу от поэта, даже мёртвого боится пускать в большую литературу. Но, слава Богу, у власти нет власти на Парнасе.

Ну вот, и до творчества добрались. Кутилов никогда не отождествлял себя с какой-то «школой» или «направлением». Он был абсолютно индивидуален и самобытен. И при том: «Я неотразим, потому что мой меч — это русская классическая литература. И я неуязвим, потому что мой щит — это русская классическая литература».

Прекрасная память (мог цитировать целыми кусками прозу) и удивительное чувство вкуса создали уникальное культурное явление. Как и Владимир Высоцкий, Кутилов сумел опозэтизировать разговорный язык необычайно яркими метафорами, парадоксальным и глубоким по философским меркам решением сюжетных линий, афористичностью («Добро можно делать и одному. / А для зла нужны двое»), народностью стиха. Концовки многих стихов — удивляют! — своей неожиданностью и глубиной. Вот, например, короткий стих:

*Деревня N не знала гроз.
Покой и тишь её основа.
Но в каждом доме есть Христос
с лицом Емельки Пугачёва.*

Как обманчивы эти тишина и покой! И Болотников, и Разин, и Пугачёв, и вся Российская революция и Гражданская война таятся под этим тоненьким слоем внешней покорности и смирения, осенённых религией и повседневными заботами. И как легко и безответственно можно повредить этот «покой и тишь»... И тогда рождается чудовище кровавой братоубийственной бойни, пожирающее, кстати, и своих родителей.

И ещё один пример из замечательного, ироничного и удивительно меткого цикла «Ромашки». Цикл этот начинается так:

*Гляжу в цветок солнечноликий —
какая дивная трава!..
...Умы великие велико
эпох вращают жернова...*

*Живут и броско, и отважно —
под шорох звёзд и гром атак...
А что по поводу ромашки
сказать могли бы вы?..*

Итак...

А дальше личности исторические, литературные и сказочные. Высказываются. Остановлюсь на одном высказывании.

Илья Муромец

*Мне б копьё да кобылушку чалую,
да всю жизнь бы не падать с седла...
А избушка моя в Карачарове
вся ромашкой давно заросла.*

Напомню, Илья Иванович Муромец, единственный сын у стареньких родителей, которые, выбиваясь из сил, кормили-поили 33 года парализованного Илюшу, лежавшего всё это время на печи. Но пришли калики перехожие, Илюшу излечили, и ушёл он из отчего дома защищать Родину от Соловья-разбойника, печенегов и прочих напастей, которых в те времена, как и в нынешние, хватает в избытке. И ни разу не вспомнил о родителях. Былины, то есть первоисточники, об этом по крайней мере умалчивают (правда, в советском фильме «Илья Муромец» авторы и женили Илью, наградили его сыном, и матушку его вывели на сцену. Видимо, хотели адаптировать образ героя к современному зрителю). А вот Кутилов за блеском героических побед и свершений разглядел трагедию родителей героя, на старости лет оставшихся без кормильца при живом сыне. Тут много вопросов возникает. А возможно ли служение Родине совместить с заботами о своей семье? (Многие нынче ухитряются). И как лаконично, иронично и внешне простовато сказал обо всём этом поэт. Зло всегда выглядит несравненно более интеллектуальным и многоумным нежели добро.

Это не литературная статья. Я в меру своих возможностей пытался приоткрыть современному читателю новое имя на Парнасе Российской поэзии.

И закончить хотелось бы словами Г. П. Великосельского, единственного друга, собирателя и хранителя творческого наследия Аркадия Кутилова: «Аркадий Кутилов поистине уникальное явление современной русской поэзии. Уникальное — до невероятности. До светлой зависти к тем ценителям стихов, которым ещё предстоит радость открытия этого имени».

